

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Игорь ЧУБАЙС: «Мы все переболели КПССом...»

И. Чубайс был одним из организаторов Межклубной партийной группы, из которой родилась Демократическая платформа в КПСС. Входил в руководство Демплатформы, когда она формировалась, а затем — когда вышла из КПСС. В момент ее преобразования в Республиканскую партию Российской Федерации ушел из руководства, выразив несогласие с «генеральной линией». Остается в числе лидеров Московской организации РПР и продолжает играть активную роль в движении Демократическая Россия. Москвичи узнали бы в нем человека, который вел первые массовые митинги демократических сил в Лужниках весной 1989 года. Любители официозных ярлыков назвали бы его типичным неформальным лидером «митинговой демократии». Из КПСС исключен.

Закончил философский факультет Ленинградского государственного университета, потом учился в Москве в аспирантуре Института социологии. Кандидат философских наук, доцент Государственного института театрального искусства имени А. В. Луначарского.

Интервью провела Татьяна ИЛЬИНА.

Т. И. Игорь Борисович, какова область ваших научных интересов?

И. Ч. Еще до перестройки я написал нетрадиционный учебник по философии, который только сейчас вышел в издательстве «Прогресс» на английском (на русском не опубликован). Это учебник диалектического материализма, но не пропагандистский, не идеологизированный. В нем анализируется «объективная» диалектика, действие или нарушение действия ее законов в культуре, в искусстве (литература, театр, кино, фольклор и т. д.).

Т. И. Вы занимались чистой наукой. Что же вдруг так изменило вашу жизнь и привело вас в политику?

И. Ч. Такие вещи всегда многопричинны. И это случилось не вдруг. Политикой я давно интересовался. Еще в августе 1968 г., когда произошли трагические события в Чехословакии, я вышел на одиночную демонстрацию протеста.

Т. И. И чем она для вас закончилась?

И. Ч. Ничем. Позднее у меня было много неприятностей из-за Чехословакии, из университета исключали... Но эта демонстрация осталась без последствий. В то время я был не в Москве, а на каникулах в Одессе. Уже темнело, и, по-моему, многие просто не поняли, что происходит, почему идет по улице человек с чехословацким флагом и что он такое выкрикивает.

В конце семидесятых, например после вторжения советских войск в Афганистан, атмосфера в обществе настолько изменилась, что подобные действия были немислимы. Ничего нельзя было сделать: выйди я на улицу — я бы исчез, а войска от этого не ушли бы.

Поэтому в те годы для меня как профессионального философа формой протеста была моя книга, законченная в 1984 году. В ней совершенно иное понимание диалектики, чем было принято в нашей науке. А когда началась перестройка — я думал, что в этот период заниматься философией... нечестно, может быть, даже аморально. Если ты изучаешь общество, а оно пришло в невиданное движение, то и надо заниматься его преобразованием, а не просто наблюдать со стороны. Было желание включиться в происходящий процесс и что-то реальное сделать.

Т. И. И поскольку перестройку, как было принято говорить, начала КПСС, а вы тогда в нее входили, то и «включились в процесс» под ее знаменем. Однако весной 1989 г., когда стало ясно, что «перестройка в партии отстает от перемен в обществе», были сделаны шаги к созданию Демократической платформы...

И. Ч. Это было не первое такое движение внутри партии. Я участвовал в создании первого неформального политического клуба в Москве (он назывался Клуб *Перестройка*) в конце 1986 — начале 1987 года. В феврале 1987 г. его первое заседание состоялось в Центральном экономико-математическом институте АН СССР. Клуб этот интересен тем, что в нем в одной небольшой группе начинали все сегодняшние демократические партии и движения: *Мемориал*, *Демократический союз*, социал-демократы, кадеты и другие. Потом *Перестройка* разделилась на два клуба, стала дробиться дальше; в Москве наиболее заметных политических клубов стало около десятка, и в них участвовали как коммунисты, так и беспартийные.

И мы решили организовать из коммунистов межклубную партийную группу. В ней сотрудничали Сергей Станкевич, теперешние российские депутаты Леонид Волков, Сергей Юшенков и др. Однако эта группа оказалась малоэффективной, и вот тогда мы создали неформальное объединение внутри партии: более широкое, организованное и не привязанное к другим клубам.

За день до первых демократических выборов, 25 марта 1989 г. в Лужниках состоялся массовый митинг—тоже первый. Я его вел и предложил участникам собраться еще раз через две недели, когда будут ясны результаты выборов. Мне как коммунисту последовали возмущенные звонки из горкома партии.

Т. И. Коммунистам-неформалам, наверное, было труднее, чем прочим. На Учредительном съезде РПР вы заметили: «Мы все переболели КПССом. Некоторые тяжело».

И. Ч. Вопрос о членстве в КПСС не так прост. Я много над этим думал: можно ли было в нее не вступать, есть ли здесь вина. Раньше мне казалось, что вины нет: ведь это было обычное условие, необходимое для продвижения (в моем случае — для поступления в аспирантуру). Ведь почти никто из советских людей, «все как один» поддерживавших политику партии, не выходил на площадь и не говорил: «а вот я — не поддерживаю!». В этом смысле, по-моему, не было особой разницы между коммунистами и беспартийными.

Теперь я думаю, что можно было, наверное, в КПСС и не вступать. Недавно хоронили моего товарища Сашу Лукашова, который погиб при очень странных обстоятельствах (последнее время произошел целый ряд

таких странных смертей среди активистов демократического движения). Саша тоже был философ, и он в свое время отказался вступить в КПСС, а в результате ему не позволили защититься, печататься, сделать профессиональную карьеру. Были и такие люди, хотя это очень трудный путь.

Для тех, кто вступил в партию, этот шаг еще долго останется предметом сомнений и размышлений. Ведь несмотря на атмосферу лжи, все-таки была какая-то форма доверия, веры в идеалы. Я вспоминаю слова Б. Ельцина, сказанные на другой день после выхода из КПСС на XXVIII съезде: «У меня как будто кусок сердца отрезали». Что-то все же в этой идее мы принимали, и здесь не было фальши. И для меня исключение из КПСС стало трудным испытанием. Тогда оно мне казалось сравнимым с эмиграцией, с отлучением от Родины.

Сейчас бы такое чувство не возникло. КПСС умерла как политическая организация, она существует лишь как «внутренняя партия» (горкомы, райкомы) и как носитель власти. Однако у нее уже нет людей, которые собираются на собрания, готовы отстаивать ее идеи и т. п.

Т. И. Другое мнение высказал полковник А. Руцкой, народный депутат РСФСР, на третьем российском съезде возглавивший новую парламентскую группу *Коммунисты за демократию*. Он заявил, что не уйдет из КПСС, пока в ней остается хотя бы один честный человек. Значит, не все еще потеряли надежду изменить эту партию. Вы же еще год назад сказали в интервью «Пятому колесу», что КПСС неререформируема.

И. Ч. Да. Особенность КПСС, как и вообще тоталитарной системы, в том, что ее нельзя улучшить. В этом, может быть, и состоит трагедия всей перестройки. Ведь она задумана как метод исправления и улучшения этой системы, а ее исправить нельзя, ее можно только отбросить, перейдя к чему-то другому. Точно так же неререформируема и неулучшаема КПСС — как нельзя улучшить гильотину, как нельзя исправить газовую камеру. Здесь переход от одного качественного состояния к другому происходит взрывообразно, скачкообразно, а не постепенно.

Т. И. Однако Демплатформа вначале сформировалась в рамках КПСС и лишь после XXVIII съезда из нее вышла.

И. Ч. Когда мы создали Московский партийный клуб — это была первая за шесть десятилетий фракция внутри КПСС. Через две недели после первых выборов 1989 г., на митинге, проходившем 9 апреля, я предложил собраться тем коммунистам, которые считают, что нужно добиваться созыва чрезвычайного съезда партии, чтобы выяснить, почему тридцать высших партийных функционеров проиграли на выборах. Выходило, что линия партии неправильна? И вот собрались 100 человек и возник Московский партийный клуб, который стал бороться за созыв съезда. Довольно быстро такие клубы появились в других городах, к концу года их насчитывалось больше шестидесяти. Они возникали стихийно, этим процессом никто не руководил — так в партии пошло довольно сильное движение снизу.

Т. И. Но тогда оно ставило перед собой только тактические цели — созвать съезд, ускорить перестройку в КПСС. Вы в то время еще не задумывались о ее неререформируемости, о создании новой партии?

И. Ч. Задумывались. С самого начала в Московском партийном клубе было два разных течения, две разные политические программы, которые могли сосуществовать, сотрудничать и какое-то время друг другу помогали. Одна из них — программа реформы, улучшения КПСС. Она и получила название «Демократическая платформа»; кроме того, это еще и название газеты, и название документа, который был опубликован в начале

1990 г. в «Правде». Основная идея этой программы: КПСС нужно преобразовать в партию парламентского типа, а для этого следует отказаться от демократического централизма, признать многопартийность и т. д.

У меня была другая программа, выдвинутая еще в начале 1989 года. Она сводилась к трем посылкам. Первая: мы не решим наших проблем без перехода к многопартийности. Вторая: перейти к многопартийности в нашей стране естественнее и проще всего через разделение КПСС. Третья: путь к этому — создание демократического движения внутри самой партии. Может быть, имело смысл тогда не очень много и не слишком громко об этом говорить (потому что не все принимали идею раскола), а начать объединение тех, кто выступал за реформу в КПСС.

Т. И. В период своего организационного становления Демплатформа собиралась в Севастопольском райкоме КПСС, под крылышком у тогдашнего первого секретаря А. Брячихина, и в очередь с вами там же собиралась одна из разновидностей *Памяти*. Это что, проявление терпимости с вашей стороны?

К. Ч. Было трудно — и с помещением, и с газетой, и в других отношениях. Возникновение Московского партийного клуба не было запланировано партийными органами, и мы сразу же ощутили на себе их сильное давление. Активистов движения прогоняли с работы, некоторых судили. На первом этапе мы собирались в Доме политпросвещения на Самотеке, а потом оказалось, что происходившее снималось на видеомагнитофон, а видеозаписи попадали на заседания партактива, и следовали инструкции собирать на участников наших заседаний компрометирующие материалы из личной жизни.

Т. И. Но Московский горком КПСС пытался и «приручить» вас?

И. Ч. На нашем третьем или четвертом, учредительном, заседании в Доме политпроса с трибуны прозвучали слова о том, что мы должны с честью оправдать доверие Московского горкома партии. Тогда большинство присутствующих встали с мест и ушли. После этого мы стали собираться в райкоме партии Севастопольского района, где когда-то начинали. Нам было важно иметь над головой именно партийную крышу, важно, что наш голос звучал не из подполья, а из официальной структуры.

Целый ряд идей, выдвинутых нашим клубом, был воспринят, подхвачен и использован партийным аппаратом. Например, сама идея демократической платформы внутри партии не была отвергнута, такая платформа и сейчас существует. Или предложение провести внутрипартийную дискуссию на размежевание, чтобы определить отношение коммунистов к демократическому централизму, к досрочному созыву съезда и т. д. Московский горком такую дискуссию провел. Мы требовали альтернативных выборов на съезд — и они были объявлены альтернативными.

Т. И. То есть перестройку в партии вы все же подтолкнули?

И. Ч. Дело в том, что вообще вся линия партии строится на лжи, а перестройка — это ложь особого рода. Если до 1985 г. коммунисты выдвигали свои собственные лозунги — победа коммунизма, развитой социализм и т. д., то после 1985 г. они стали пользоваться чужими. Они взяли лозунги разгромленного диссидентского движения, но вложили в них свой собственный смысл. В этом плане М. Горбачев — талантливый ученик В. Ленина, который, скажем, взял у эсеров лозунг «земля — крестьянам» и выдал за свой. Так же поступил и Горбачев. Но когда Горбачев говорит о гласности — это совсем не то же самое, что говорил о гласности А. Саха-

ров. Коммунисты взяли и наши лозунги, но при этом по-своему их вывернули переиначили, вложили в них выгодный для себя смысл.

Кстати, многие по-разному объясняют, почему Горбачев сначала воспринял, а потом отклонил программу «500 дней». У меня на этот счет свое мнение, может быть, спорное. Я думаю, эта программа была составлена таким образом, что не поддавалась перелицовке, невозможно оказалось придать ей другое направление. Она предусматривала, шаг за шагом, жесткий контроль, и когда Горбачев понял, что эту программу ему не удастся приспособить к своей политике, он от нее отказался.

Т. И. Вернемся к эволюции вашего движения. То, о чем идет речь, происходило на наших глазах и уже становится историей современности.

И. Ч. Мы собирались в Севастопольском райкоме, постепенно крепли и росли наши силы. Очень сложно было пробиться в печать: в Москве даже начался сбор подписей под требованием опубликовать наши документы. В январе 1990 г. мы провели всесоюзную конференцию и объявили о создании Демократической платформы в КПСС. Многие лидеры демократического движения присутствовали там и вошли в Координационный совет — это и Ю. Афанасьев, и Г. Попов, и Н. Травкин, и Т. Гдлян. Нас поддержал и Б. Ельцин, который на пленуме, предшествовавшем XXVIII съезду, выступал от имени Демплатформы.

Однако дальнейшее развитие движения оказалось не таким, как виделось многим его инициаторам.

Т. И. Когда Демплатформа окрепла и приобрела влияние, в нее пришли многие известные люди. Они, с одной стороны, поддержали ее своим авторитетом, а с другой — пришли-то все же на готовенькое, сразу влились в руководство и несколько потеснили инициаторов...

И. Ч. Нет, я имею в виду другое. Беда в том, что пришла Московская высшая партшкола.

Т. И. Вы хотите сказать, что эти люди пришли с определенной установкой?

И. Ч. Да, и это можно доказать документально. У нас есть протокол заседания парткома МВППШ за февраль 1990 года. На этом заседании очень резкой критике подвергся В. Шостаковский за свое участие в деятельности Демплатформы. А в конце встал заместитель секретаря парткома И. Жиряков и сказал: «Товарищи, неужели вы не понимаете... Я уже не раз об этом говорил: профессор Шостаковский выполняет задание Центрального комитета и Московского горкома КПСС. Он следит за тем, чтобы Демплатформа не ушла туда, куда не нужно. Поэтому мы его в обиду не дадим». Некоторые из присутствовавших на заседании записывали выступления, и эти материалы нам предоставили.

Т. И. В содокладе Шостаковского на учредительном съезде Республиканской партии в середине ноября 1990 г. (он опубликован в третьем номере за 1991 г. Бюллетеня партийно-политической информации) с удивлением видишь недвусмысленно выраженную поддержку идеи комитетов национального спасения. И это в то время, когда начал крепнуть молодой российский суверенитет!

И. Ч. Я считаю, что Шостаковский порученное ему задание выполнил успешно. Демплатформа не сыграла той роли, которую могла бы сыграть.

В тех странах Восточной Европы или республиках Прибалтики где демократические процессы шли наиболее успешно, они неизменно опирались на какую-то массовую демократическую политическую организа-

цию — будь то *Солидарность* или *Саюдис*. В условиях России не было такой организации, и такую роль могла бы взять на себя Демплатформа. Тем более, что к апрелю 1990 г. нас поддерживало до 40% коммунистов, или примерно 7,5 млн человек. Тогда и был нанесен по Демплатформе открытый удар — 11 апреля появилось известное открытое письмо ЦК КПСС, осуждающее нашу раскольническую деятельность. Кстати, как раз накануне я был исключен из компартии.

Т. И. С какой формулировкой?

И. Ч. Это тот редкий случай, когда не искали никакого предлога, а исключили со справедливой, как я считаю, формулировкой: за деятельность, направленную на раскол КПСС.

Т. И. Ваша первичная организация с этим согласилась?

И. Ч. Нет. Но исключение происходило с нарушением Устава. Меня исключила контрольно-ревизионная комиссия Краснопресненского райкома КПСС. Ее члены видели меня впервые, и я их тоже не знал. Около часа меня уговаривали выйти из партии по своей инициативе, раз я отошел от коммунистической идеологии. Я же, ссылаясь на то, что в опубликованной к съезду платформе ЦК даже не упомянута цель построения коммунизма, отвечал своим оппонентам: «Не лучше ли вам выйти из партии, раз вы за эту цель держитесь, а партия — нет, она меняется, принимает, хотя бы формально, социал-демократическую ориентацию». Ведь формально объявленная ею цель — демократический социализм — это цель Социалистического интернационала.

Т. И. На самом деле такую ориентацию приняла не КПСС, а вышедшая из нее Демплатформа... А как получилось, что Травкин, который сначала вас поддерживал, входил в Координационный совет, вдруг увел часть ваших сторонников в «свою» партию?

И. Ч. В апреле, после открытого письма ЦК КПСС, нам предстояло решить, как быть дальше. С этой целью собрался Координационный совет, где присутствовал и Б. Ельцин, и все лидеры демократического движения, и актив Демплатформы. Высказывались две точки зрения: одна — за то, чтобы начать немедленный выход из партии, другая — против. Но коммунисты уже начали без нашей команды выходить из партии, и, оставаясь в ней, мы теряли их доверие и лишали их ориентира. У нас были свои предложения к XXVIII съезду, из которых ни одно не было принято. Нас все равно бы исключили. Жизнь показала, что, как только в КПСС появляется какое-то инакомыслие, его носителей немедленно отторгают, исключают из партии. Поэтому я и считаю, что КПСС неререформируема.

Так вот, Травкин тогда занял очень решительную позицию: надо создавать партию сейчас же, не медлить, не ждать съезда. Он стал председателем оргкомитета, я его заместителем, и работа началась. В мае был проведен первый съезд Демократической партии России.

С Травкиным имелась договоренность, что новая партия будет продолжением Демплатформы, но уже вне КПСС, и примет это название. Однако тогда же возникли противоречия: Шостаковский и Лысенко были против выхода Демплатформы из КПСС и против использования ее названия новой партией. А еще через месяц взгляды самого Травкина так сильно радикализировались, что он и слышать больше не хотел ни о какой Демплатформе, а заявил, что создает совсем другую партию на подчеркнута антикоммунистической основе.

Возникла сложная ситуация, демократическое движение раскололось. И сейчас две ведущие по рейтингу партии — это ДПР Травкина и Респуб-

ликанская партия, родившаяся из той части Демплатформы, которая вышла из КПСС.

Т. И. А почему, выйдя из КПСС, Демплатформа сразу же не объединилась с Социал-демократической партией России?

И. Ч. То, что сила в единстве,— очевидная, азбучная истина. Это кажется таким простым и естественным, но когда доходит до дела, встают препятствия. Еще на учредительном съезде РПР я настаивал на том, что наша перспектива — только в объединении двух родственных партий: мы должны не ставить вопрос об этом, а решать его. Но, начав эту работу, мы почувствовали сильное противодействие: категорически против выступили С. Сулакшин, В. Шостаковский и все, кто был связан с МВПС.

Т. И. Почему против?

И. Ч. На мой взгляд, веских аргументов не выдвигалось. Говорили: «сейчас рано», «сейчас не время», «мы не созрели», «неизвестно, к чему это приведет» и т. д. Это несерьезно.

Несмотря на противодействие, в некоторых регионах, например в Москве, две партии удалось объединить. Сейчас я вхожу в согласительную комиссию по их объединению, и мы стараемся активизировать эту работу.

Т. И. А почему вы на учредительном съезде РПР отказались войти в руководство?

И. Ч. Я не согласен с заявлениями, что партия будет проводить центристскую линию. Но я остался в Политическом совете московской организации РПР*.

Т. И. Демплатформу называли партией интеллигенции. Социологи считали, что именно на нее вы, с вашими ценностями и программой, могли бы опираться. Это верно?

И. Ч. Вопрос о социальной базе такой же сложный, как вопрос о социальной структуре нашего общества. Есть ли у него вообще социальная структура? Сейчас можно говорить о двух классах в нашей стране — это класс тех, кто держит власть, класс партгосноменклатуры, эксплуатирующей народ, и класс тех, кто подвергается эксплуатации. Это и есть главное, что нас объединяет, когда мы выходим на митинги. Прочие различия — между рабочими и крестьянами, русскими и украинцами, жителями столицы и провинциалами — вторичны.

Так что можно сказать, что наша социальная база — это те, кто против номенклатуры. В то же время можно сказать и так: у нас нет социальной базы, как нет ее ни у одной из других партий. Ведь многопартийность существует там, где есть плюрализм форм собственности, есть разные экономические интересы. В этом смысле у нас еще нет объективных оснований для многопартийности. Поэтому и партии у нас сейчас малочисленные, и создавать их так трудно: они держатся на энтузиазме, а не на реальном материальном интересе. Сегодня членами нашей партии могут быть те, кто не связан с эксплуататорским классом, не работает в партгосаппарате.

Т. И. Деля таким образом на «наших» и «не наших», выступая за полный слом нереформируемой системы, не даете ли вы повода для упреков? Вас могут упрекнуть в том, что призывы типа «весь мир насилья мы разроем до основания, а затем...» чреватые социальным взрывом. А «поймав» демократов на необольшевизме, кто-нибудь возьмет да и попытается скрутить им всем головы...

И. Ч. Я хочу подчеркнуть свою точку зрения. То, что происходит сейчас,— это политическая борьба, а не гражданская война. Конфликты, которые возникают в обществе, не нами созданы, а заложены существовавшей системой. И задача, в частности нашей партии, заключается не в том, чтобы эти конфликты игнорировать или, напротив, обострить, а в том, чтобы найти политический механизм их разрешения.

Что касается «скрутить головы»... Опасения, что повторится 37-й год, в нашей стране существуют. Думаю, что это почти исключено. В отличие от Китая, где события на площади Тяньаньмэнь остановили демократизацию и КПК повернула страну в нужное ей русло, у нас такое невозможно. Наша страна исчерпала все свои потенциалы на прежнем пути, она объективно нуждается в переходе к совершенно другой форме хозяйствования. Мы настолько пострадали от преобразований, что остановить их нельзя никакой силой. Поэтому, хотя нам и надо помнить о 37-м годе, я считаю его повторение нереальным.

Т. И. Вы давно и активно работаете в демократическом движении. Какие трудности в нем вы видите?

И. Ч. Существует много и трудностей, и разочарований. Люди, пришедшие в это движение, когда оно только зарождалось, в 1986—1987 гг., были далеки от политики. Они никогда не строили никаких расчетов и не планировали ходов. Их объединял нравственный протест, моральное неприятие той системы, той ситуации, в которой они находились. Многим казалось, что вообще политическое движение в нашей стране будет специфическим: в первую очередь носящим нравственный характер.

Но из этого ничего не вышло. Оказалось, что политика — более сильная, более эффективная вещь и тот, кто действует по законам политики, а не по законам морали, достигает большего. Сейчас, к сожалению, в демократическом движении все увеличивается число людей политически активных, но забывающих о моральных ценностях, и свой первоначальный нравственный флер оно теряет.

Еще проблема: не зная полностью деталей, мы все же видим: и КГБ, и КПСС посылают к нам своих людей, не говоря уже о том, что есть целые марионеточные партии, созданные или инспирированные этими организациями. (Думаю, не случайно осенью 1990 г., во время предвыборной кампании во всех клубах избирателей Москвы вдруг возникли конфликты.) У нас появляются и факты, и документы, которые это подтверждают. Это одна из глубинных сложностей движения, и как только одна из групп набирает силу, тут же делается все, чтобы ее расколоть, растащить, дискредитировать.

Т. И. Вы говорите о конкретных людях?

И. Ч. Конечно. Говоря о каких-то политических процессах, не будем забывать, что они не бывают анонимны. Всегда за ними стоят конкретные люди, которые что-то придумывают, воплощают, решают. Если говорить о демократах, то *Мемориал* придумал в 1987 г. Юра Самодуров, а «отец» массовых митингов в Москве — Виктор Кузин.

Действия направленные на корректировку, на адаптацию Демплатформы тоже имеют своих инициаторов. Я всегда задумываюсь: а можно ли нужно ли об этом говорить? Но ведь, с другой стороны, нельзя и не говорить! Некоторые руководители Республиканской партии, а прежде Демплатформы, имели регулярные контакты, переговоры с отдельными высшими функционерами КПСС. Я думаю в связи с этим, что еще предстоит переоценить объективную роль и этих руководителей, и этих функционеров. Вообще в политике, и не только в ней, субъективное и объективное не всегда совпадают. Например, я убежден, что И. Полозков, Е. Лига-

чев, Б. Гидаспов субъективно хотят спасти КПСС — а объективно делают все, чтобы ее разрушить.

К сожалению, обратное положение с А. Яковлевым. Он либерал, реформатор и т. д. Но объективно он как раз спасает КПСС.

Бунт, который Демплатформа подняла в КПСС, отличался от развития событий в других, как раньше говорили, братских партиях. Скажем, ВСРП, ПОРП, компартии Латвии, Литвы — все они раскололись, потому что среди руководства нашлись решительные люди, готовые сменить политический курс. В КПСС не нашлось такого лидера, который взял бы на себя ответственность и отказался от старой политической программы. «Сверху» нам прислали Шостаковского, который, на мой взгляд, нанес удар в спину движению. Кроме того, мне известно, что инициатором того, чтобы Демплатформа оставалась в КПСС, и на XXVIII съезде, и после него был А. Яковлев. Думаю, что объективно он причинил большой вред нашему движению. Если бы он вышел из КПСС, возглавил бы движение, не мешал бы выйти нам — тогда Демплатформа могла бы сыграть большую роль.

И последняя трудность, которую я хочу отметить, связана с историей нашей страны. В результате пройденного пути многие советские люди нравственно деформированы, ими утрачены моральные устои — как ни обидно это признать. В нашем движении людям часто не хватает принципиальности, смелости, решительности. Они уступают, прогибаются, не выдерживают нагрузок, и в критической ситуации оказывается, что человек, который все время шел рядом с тобой, вдруг решил не рисковать...

К сожалению, борьба с тоталитарной системой напоминает военный конфликт. Это бескомпромиссное противостояние, в котором перед нами очень опасный и сильный противник. И если в вашем лагере кто-то ненадежен, кто-то может перевернуться, то в такой ситуации бороться очень трудно.

Я в свое время проработал пять недель на радио «Свобода», где узнал удивительную вещь, которая меня шокировала. На этом радио работают очень знающие люди, высокие профессионалы, но они вывезли с собой с Родины одно мерзкое качество. Оказывается, некоторые там все еще пишут друг на друга доносы! Да, избавление от моральных недугов займет у нас не день, не год, не десятилетие...

В ФРГ я увидел не просто богатую и чистую страну с прекрасной экологией, где люди спокойны и счастливы. Там другая мораль, другой стиль жизни, там нет агрессии и борьбы, там мир и гармония. Им можно позавидовать. Вспоминаю известные слова из песни В. Высоцкого: «и людей будем долго делить на друзей и врагов». Мы долго так жили, и я желал бы, чтобы мы поскорее перешли от этой формулы к другой, не менее известной: «давайте жить, во всем друг другу потакая, тем более, что жизнь короткая такая».

* На заседании политсовета Республиканской партии (Московского региона) 13 мая 1991 г. И. Чубайс заявил о выходе из РПР и после этого вошел в состав Оргкомитета Народной партии России, а на ее Учредительном съезде 19 мая был избран в состав Бюро НПР.— *Ред.*